

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.31857/S086919080001847-8

ДАГЕСТАН В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ СУФИЙСКИХ СЕТЯХ:
ШЕЙХИ ИЗ КИКУНИ И ИХ ЗИЯРАТ В ТУРЦИИ*

© 2018

В. О. БОБРОВНИКОВ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
НИУ “Высшая школа экономики”, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1444-7722>; SCOPUS Author ID: 15925168100
vbobrovnikov@hse.ru

Резюме: Разобранный в статье случай появления в Турции конца XIX – начала XXI в. дагестанских суфийских сетей и святых мест неплохо представляет взаимоотношения мусульманских элит Северного Кавказа, Волго-Уральского региона, Ближнего Востока и Анатолии. Запечатленные в документах, эпиграфике, устных историях биографии Мухаммада и Шараф ад-Дина из Кикун, их участия в восстании 1877 г., ссылки в Поволжье, эмиграции в Османскую империю показывают, что в своем распространении братство Накибандия-Халидия не раз переступало за политические границы и идеологические барьеры, установленные в регионе в ходе разграничения владений османской Турции и царской России. Обмен территориями и подданными между Турцией и Россией на протяжении последних полутора столетий привел к появлению смешанных гибридных идентичностей, микроистория одной из которых прослеживается в статье на примере мухаджирской деревни в Западной Анатолии. Вопреки распространенному представлению тарикат никогда не представлял собой единого неуклонного игрока в «большой игре» между великими державами. Скорее он распадался на множество небольших соперничавших фракций, руководители которых вступали в сложные отношения друг с другом и с местными политическими элитами. С суфийскими сетями тесно связаны более локальные сети святых мест (зияратов) в регионах.

Ключевые слова: суфийские сети, культ святых, политическая ссылка, мухаджирство, гибридная идентичность, Накшбандия-Халидия, Накшбандия-Махумдия, эпиграфика, переписка, устные истории.

Для цитирования: Бобровников В.О. Дагестан в транснациональных суфийских сетях: шейхи из Кикун и их зиярат в Турции. *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 21–36. DOI: 10.31857/S086919080001847-8

DAGESTAN IN TRANSNATIONAL SUFI NETWORKS:
SHEIKHS FROM KIKUNI AND THEIR SHRINE IN TURKEY

Vladimir O. BOBROVNIKOV

Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
National Research University
Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-1444-7722; SCOPUS Author ID: 15925168100
vbobrovnikov@hse.ru

* This work was supported by the Netherlands Institute for Advanced Studies in the Humanities and Social Sciences (NIAS).

Abstract: This case-study relates to the history of shared transnational Sufi networks. The Naqshbandiyya-Halidiya brotherhood of the Ottoman origin once moved from the Middle East to Russia's borderlands in the Eastern Caucasus and then came back to the Ottoman Empire from the North Caucasus. Dagestani Sufi networks and holy places represent a specific kind of interactions between the Muslim elites in the Middle East, the North Caucasus, the Volga-Ural region, and Anatolia from the late nineteenth century up today. The biographies of Muhammad and Sharaf ad-Din from Kikuni are well-documented in various written sources, epigraphs, and oral histories. They participated in the 1877 Uprising, were exiled in the Volga region, and then immigrated to the Ottoman Empire. Their biographies show that the Naqshbandiyya-Khalidiyya often crossed political boundaries and ideological barriers established in the region during the demarcation of the possessions of the Ottoman Turkey and the Russian Empire. The exchange of territories and subjects between Turkey and Russia over the past one and a half centuries led to the emergence of hybrid identities. The article traces a micro-history of an identity in a Muhajir village in Western Anatolia. Contrary to popular belief, the tariqa never represented a single elusive player in the "Big Game" between the Great Powers. Rather, it included numerous rival factions whose leaders formed complex relations with each other and with local political elites. Sufi ritual networks were and still are closely connected to more local networks of holy places (ziyarat) in the regions.

Keywords: Sufi networks, the cult of saints, political exile, Muhajir movements, hybrid identity, Naqshbandiyya-Khalidiyya, Naqshbandiyya-Mahmudiyya, epigraphy, correspondence, oral history.

For citation: Bobrovnikov V.O. Dagestan in transnational sufi networks: sheikhs from kikuni and their shrine in Turkey. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 5. Pp. 21–36. DOI: 10.31857/S086919080001847-8

Недалеко от Стамбула, в предгорьях над раскинувшимся на берегу Мраморного моря портовым городом Ялова лежит селение Гюней-кёй. Оно основано дагестанцами, уехавшими с русского Кавказа после восстания 1877 г. Прошлое и настоящее Гюней-кёй примечательны. Это крупнейшее из селений, основанных в Анатолии переселенцами-мухаджерами с Кавказа XIX в. (рис. 1).

Рис. 1. С. Гюней-Кёй. Мечеть и фонтан.
Фото автора, март 1996 г.

Неофициально Гюней-кёй называют Малым Дагестаном (тур. *Küçük Dağıstan*). Своим возникновением, славой и названием селение обязано жившим здесь двум дагестанским шейхам ветви братства Накшбандия-Халидия — Мухаммаду-хаджи ал-Мадани ал-Кикун и Шараф ад-Дину (Шарапутдину) ал-Кикун, мавзолеев (тур. *türbe*) которых высится на холме посреди старого сельского кладбища. Это наиболее почитаемое святое место (араб. *ziyarat*) вилайета Ялова для дагестанской диаспоры, а в последние два десятилетия и многочисленных туристов из Дагестана и России.

Гюней-кёй известно не только среди выходцев с Кавказа в Турции, но и среди ученых-кавказоведов. Первыми на него обратили внимание лингвисты. Еще в 1970-х гг. ученик Ж. Дюмезиля французский филолог кавказского происхождения Жорж Шарашидзе собирал здесь материалы для грамматики аварского языка

[Charachidzé, 1981]. С падением в 1990-е гг. "железного занавеса" в Гюней-кёй зачастили этнологи с российского Кавказа, занимающиеся прошлым и настоящим кавказской диас-

поры в Турции и на арабском Ближнем Востоке [Магомедханов, 1997; *Эмиграция дагестанцев...*, 2000–2001]. К наследию дагестанских шейхов в Турции обращались и востоковеды [Ибрагимова, 2001; Ибрагимова, 2008]. Мне довелось побывать в селении в марте 1996 г. В поездке, сборе эпиграфических и полевых материалов мне немало помогли мои друзья – тюрколог из Французского института малоазийских исследований (Institut français des études anatoliennes, IFEA) в Стамбуле Александр Тумаркин; председатель Фонда Имама Шамиля в Турции Гёкхан Ментеш и жители селения¹. Им я выражаю свою искреннюю благодарность.

Приезжая впоследствии на Кавказ, я не раз сталкивался с наследием шейхов из Малого Дагестана под Стамбулом. Осенью 2004 г. с экспедицией проф. А.Р. Шихсаидова и Г.М. Оразаева я посетил накшбандийского шейха Мухаджира-хаджи Акаева из с. Доргели, духовная генеалогия (араб. *силсила*) которого восходит к Мухаммаду-хаджи ал-Мадани и Шараф ад-Дину ал-Кикуни. Из раритетов своей библиотеки шейх с гордостью показывал нам небольшой изящно выписанный рукописный Коран XVIII в., происходящий из библиотеки двух шейхов в Гюней-кёй. Эти и другие находки привели меня к мысли разобрать на примере гюнейских шейхов и их *зиярата* нюансы еще плохо изученного взаимодействия мусульманских элит в центре и на окраинах поздней османской Турции². Случай этот показателен для роли суфиев и улемов в движениях *джихада* и мухаджирства конца XIX–XX в.

ДВА ДАГЕСТАНСКИХ СУФИЯ В ТУРЦИИ

Восстановить биографию обоих шейхов помогают письменные и устные источники на арабском, турецком и аварском языках из Анатолии и Горного Дагестана. Начнем с арабской эпитафии шейха Мухаммада-хаджи ал-Мадани из мавзолея Гюней-кёй (рис. 2).

Рис. 2. Эпитафия Мухаммада ал-Кикуни. Фото автора, март 1996 г.

¹ Об обстоятельствах и находках моей поездки во время стажировки во Французском институте малоазийских исследований в Стамбуле подробно написано в книге: [Bobrovnikov, 2011, p. 135–141].

² Одним из первых важность изучения этой проблематики отметил французский тюрколог Александр Тумаркин [Toumarkine, 2000].

На хорошо сохранившейся мраморной надмогильной стеле черной тушью почерком *наск* нанесена характерная для дагестанской мусульманской эпиграфики XIX – начала XX в. арабская надпись. Ее текст вписан в девять белых картушей на красном фоне:

كل من عليها فان
قبر الفائز بالتوضع درجة
والمرتفع بين النقشبنديين
بالسقوط فوق المعاصرين
المهاجر المجاهد
والعالم المتحبر المتوحد
الحاج ابي محمد المدني
بن عثمان الداغستاني
مرزا المجب والعبد لتعالى...

“Все, что на ней (земле. – В.Б.) – бrenно!

Могила добившегося утверждения в степени
и выдающегося среди накшбандиев,
оказавшегося выше современников,
ал-мухаджира ал-муджахида
превосходного и редкостного ученого (*ал-‘алим*)
ал-хаджж Аби Мухаммада ал-Мадани
сына ‘Усмана ад-Дагистани
мирзы, возлюбленного раба Всевышнего...”

Дата смерти шейха не указана. Возможно, она находилась в нижней части стелы, которая после реставрации мавзолея вмонтирована в пол и не поддается прочтению. Понять смысл рассыпанных в эпитафии почетных титулов, уточнить имя и хронологию биографии покойного помогают арабоязычные памятные записи (араб. *таварих*) и биографические словари из Дагестана конца XIX – XX в.; обзор имеющихся источников см.: [Бобровников, 2006, с. 196]. Так, согласно биографическому словарю дагестанского ученого-компилятора Назира из Дургели (1891–1935) “Нузхат ал-азхан фи тараджим ‘улама’ Дагистан” (Услада умов в биографиях ученых Дагестана), полное имя шейха было Абу Мухаммад Мухаммад-хаджи б. ‘Усман ал-Мадани ал-Кикунни ал-Авари ад-Дагистани. Умер и похоронен он в Турции в 1332 г. *хиджры* (1913–1914 г.) [Назир ад-Дургели, 2004, с. 144]. Памятные записи (араб. *таварих*) из библиотек дагестанских мухаджиров, собранные в Турции Шараф ад-Дином Эрелем, позволяют датировать его рождение примерно 1251 (1835–1836) г. [Erel, 1961, p. 250]. Его *нисба* указывает на происхождение из аварского селения Кикунни на севере Горного Дагестана (ныне Гергебильский район). Прозвище ал-Мадани он получил по имени старого кикуннинского квартала, где жил его тухум [ПМА, 2003, 2012].

ДЖИХАД 1877 г., ССЫЛКА, ПОБЕГ И ЭМИГРАЦИЯ

Союз общин Хиндалал (койсубулинцев), к которому принадлежало Кикунни, встал на сторону трех имамов Дагестана и Чечни в их борьбе с русскими. Однако в этом джихаде Мухаммад ал-Мадани еще не принимал участия. Мухаммад-Тахир ал-Карахи, Хаджи-Али ал-Чухи, ‘Абд ар-Рахман ал-Гази-Гумуки и другие местные хронисты и мемуаристы времен Кавказской войны (1817–1864) молчат о нем [Хроника..., 1941; Гаджи-Али, 1995; Саййид Абд ар-Рахман..., 1997]. Это и понятно. Тогда он был еще слишком юн – в год пленения имама Шамиля (1859) ему едва исполнилось 14 лет. Почетного титула воителя

за веру (араб. *муджахид*) он удостоился позже, за участие в восстании 1877 г. По сообщению арабской хроники ‘Абд ар-Разака ас-Сугури, именно Мухаммад ал-Мадани поднял тогда кикунинцев на джихад 29 августа. В 8 часов утра возглавляемый им отряд из 40 гергебильцев напал на русских солдат, охранявших Георгиевский мост, и перебил большинство из них. Это послужило сигналом к общему восстанию в Северном Дагестане [Омаров, 2001, с. 168]. К этому времени ал-Кикун был уже признанным ученым и наставником братств Накшбандия и Кадирия [Shaykh Muhammad Hisham Kabbani, 1995], имел собственных учеников-*мюридов*. Из его сочинений в дореволюционном Дагестане особой известностью пользовались сборник стихов и поучений “Наджм ал-анам фи рий-адат ал-‘авамм” (Звезда людей в обучении простого народа), представляющий собой комментарий в стихах на сочинение знаменитого средневекового мистика ал-Газали (1059–1111) “Аййуха-л-валад” [Назир ад-Дургели, 2004, с. 150; Ибрагимов, 2008, с. 168].

Не все местные суфии поддерживали вооруженное сопротивление горцев русским. Распространенное среди историков XIX–XX вв. мнение о том, что братство Накшбандия-Халидия дало движению за джихад идеологию (“*мюридизм*”) и организацию [Zelkina, 2000], сегодня все чаще подвергается сомнению. Проведенное немецким исламоведом Михаэлем Кемпером исследование арабоязычной переписки и сочинений дагестанских шейхов того времени показало, что лишь часть из них выступала за джихад, а после его поражения – переселение-мухаджирство в Османскую империю [Кемпер, 2003, с. 278–305]. Некоторые преемники поддержавших джихад шейхов Мухаммада ал-Йараги (ум. 1838) и Джамал ад-Дина ал-Гази-Гумуки (ум. 1869), например *халифа* последнего Мамма-дибир ар-Ручи (ум. 1879), вообще не занимались политикой [Назир ад-Дургели, 2004, с. 152; Мубарак Мама-Дибирасул манакибал, 2003, с. 92–94]. Ряд ветеранов джихада 1828–1859 гг. позднее отошли от вооруженной борьбы с русскими. Это течение в братстве возглавил бывший секретарь сподвижника Шамиля Даниял-султана шейх Махмуд ал-Алмалы (ум. 1877), линия которого (Махмудия) с конца XIX в. распространилась в Дагестане.

“Партия войны” группировалась вокруг халифы Джамал ад-Дина аварского шейха ‘Абд ар-Рахмана из Согратля (1792–1882)³. Завоеванный русскими Кавказ стал для них “территорией войны” (араб. *дар ал-харб*), за которую правоверные обязаны воевать, а в случае поражения – переселиться в “царство шариата” (араб. *дар ал-ислам*), Османскую империю. Так считал и Мухаммад ал-Мадани, ученик согратлинского шейха, получивший из его рук разрешение (араб. *иджаза*) заниматься наставнической деятельностью. Настроения, господствовавшие среди этой группировки дагестанских суфиев и улемов, неплохо выразил их современник кумыкский поэт Ирчи Казак. В одном из своих стихотворений 1860-х гг. в поддержку мухаджиров он обрушивается на русские порядки на Кавказе – наводнивших край солдат и взятки в канцеляриях. Русские построили школы и “чугунные (железные. – В.Б.) дороги”, но от этого жизнь не стала легче. “Соберем свои семьи, мусульмане, и уедем в Османское государство, – пишет поэт. – Султан (*хункар*) наша опора... Кто переселится, тот окажется в раю...” [Бобровников, 2005, с. 250, 293].

Воодушевление, вызванное надеждами на помощь освободительной османской армии, с которой русские сражались в Закавказье, было недолгим. Плохо организованное восстание 1877 г. уже через несколько месяцев было разгромлено. Его вожаки с младшим сыном согратлинского шейха Мухаммадом-Хаджи были повешены, а наиболее ак-

³ Дата смерти ‘Абд ар-Рахмана ас-Сугури, которую большинство дагестанских авторов, вероятно, на основе памятных записей, ошибочно относят к 1891 г., легко уточняется по его эпитафии в мавзолее с. Нижнее Казанище. Ср.: [100 писем Шамиля, 1997, с. 274; Габдурахманов, 2003, с. 89; Абдуллаев, 2001, с. 40]. Точную дату его смерти (раби‘ ал-аввал 1299/январь–февраль 1882) приводит также арабская хроника восстания 1877 г. Исхака ал-‘Урми в редакции ‘Али ас-Салти. См.: [Исхак ал-Урми, ‘Али ас-Салти, 2001, с. 115].

тивные участники – сосланы. Престарелого ‘Абд ар-Рахмана ас-Сугури приговорили к пожизненной ссылке, которая благодаря заступничеству ‘Абд ал-Кадира Даитбекова, переводчика при начальнике Дагестанской области кн. Л.И. Меликове, была заменена домашним арестом в кумыкском селении Нижнее Казанище [Исхак ал-Урми, ‘Али ас-Салти, 2001, с. 115]. Там он написал небольшой трактат, в котором обосновывал необходимость эмиграции мусульман Кавказа в Османскую империю [*Хазихи рисала шарифа*, fol. 91a–94a]⁴. Лишь некоторые руководители восстания сумели избежать ареста. Среди них был и Мухаммад ал-Мадани, который был схвачен в Гунибском округе Горного Дагестана через 12 лет после поражения восстания, 29 сентября 1889 г. [*Мин мактуб начаник Гуниб Чиллайуф*, л. 1] и 11 октября отправлен в пожизненную ссылку в губернии внутренней России [Ибрагимова, 2008, с. 159].

Ссылку с ним разделили его ближайшие ученики и родственники, в том числе малолетний племянник Шараф ад-Дин, сын ‘Абд ар-Рахмана, который, согласно его эпитафии из Гюней-кёй, родился незадолго до восстания, 3 зу-л-ка‘да 1292 / 1 декабря 1875 г. К сожалению, материалов ссыльного дела пока обнаружить не удалось. Дагестанские арабоязычные источники XIX–XX вв. по-разному определяют место его ссылки. В памятных записях и устных историях из Дагестана фигурирует Иркутск в Сибири. По изысканиям авторитетного дагестанского краеведа Мансура Гайдарбекова, место ссылки шейха находилось под Саратовом [Гайдарбеков, 1999, с. 45]. Последнее, похоже, ближе к истине. Политические ссыльные с Кавказа высылались тогда почти исключительно в Поволжье и в европейские губернии России [*Свод законов...*, 1912, т. II, ст. 17, п. 16, ст. 19, прилож. к ст. 23]. Путь их лежал через Саратов. В Новоузенском уезде Саратовской губернии окончил свои дни другой халифа – ‘Абд ар-Рахман ас-Сугури Илийас ал-Цудахари (ум. 1905). Любое место в России, куда ссылали горцев, дагестанцы называли “Сибирью”. Это слово вошло в XIX в. в местные тюркские и кавказские языки в значении “ссылка, каторга” [Саидов, 1967, с. 462].

Мухаммад ал-Мадани ал-Кикунь недолго пробыл в русской ссылке. Здесь он женился на вдове другого ссыльного, Хаве, из соседнего с Кикунь с. Гергебиль. Распустив слух о его смерти и имитировав похороны шейха, мюриды собрали деньги и отправили его с женой, детьми и ближайшими родственниками через Дагестан в Стамбул [Гайдарбеков, 1999, с. 45]. Дагестанские памятные записи относят это событие к 1311 г. хиджры (1893–1994 г. н.э.) [Мин хатт Мухаммад б. Пирбудаг, л. 29]. Точный путь беглецов неизвестен. Согласно устным преданиям кикунийцев, сначала семья шейха остановилась в Нагорном Дагестане и на некоторое время поселилась в доме родителей жены Мухаммада ал-Мадани в с. Гергебиль. Большинство его мюридов жили в самом Гегебилье и близлежащих селениях Кикунь, Хаджалмахи, Аймаки и др. Шейх пользовался таким уважением, что дорога, по которой он ходил на молитву в джума-мечеть, каждое утро тщательно подметалась. Шараф ад-Дин продолжал учиться у дяди, посещая также медресе с. Гоцоб [Ибрагимова, 2008, с. 160–161].

Но оставаться на родине было опасно, и кикунийский шейх решил переселиться в единоверную Турцию. Можно предположить, что, как и другие нелегальные эмигранты с русского Восточного Кавказа, из Нагорного Дагестана беглецы пробирались в Османскую империю по суше, через Джар, а оттуда через русско-турецкую границу в горах в Карс и Муш, где после 1877 г. появились поселения дагестанских мухаджиров. Поначалу Мухаммад ал-Мадани поселился в мухаджирском селении Армут-кёй под Бурсой. Здесь у него родились три сына: Мадани, ‘Али-‘Аскар и Мухаммад, имя которого вошло

⁴ Это сочинение было недавно введено в научный оборот А.Р. Шихсаидовым, Н.А. Тагировой и М. Кемпером [Kemper, Shikhsaidov, Tagirova, 2000, p. 121–140; Кемпер, Тагирова, Шихсаидов, 2010, с. 259–272].

в его почетную *кунйу* [ПМА, 1996]. Положение эмигрантов, особенно нелегальных, с русского Кавказа в поздней Османской империи было не из легких. Десятки тысяч погибли от голода и болезней вскоре после переселения.

СОЗДАНИЕ ВЕТВИ СУФИЙСКОЙ СЕТИ С ЦЕНТРОМ В ОСМАНСКОЙ ТУРЦИИ

Судьба кикунийского шейха и его окружения в османской Турции была счастливым исключением из этого правила. Султан Абдул-Хамид II (1876–1909) принял в нем большое участие. Он благоволил к дагестанским улемам, выделяя их среди мухаджиров с Кавказа. Об этом говорит один любопытный обычай. В конце XIX в. дагестанцы нередко удостоивались привилегии быть *мухатапами* в *хузур дерслари* султана. В месяц рамадан носители этого почетного титула приходили во дворец в присутствии (староосм. *хузур*) султана, с тем чтобы занимать его ученой беседой, отвечая на вопросы правителя⁵. Похоже, что получить доступ к Абдул-Хамиду Мухаммаду ал-Мадани помог шейх братства Шазилия из Триполитании Зафир ал-Мадани, любимец султана и религиозный советник (староосм. *данышман*), влиятельный при дворе. По крайней мере об этом говорится в устных преданиях потомков мухаджиров из Гюней-кёй [Эмиграция дагестанцев..., 2000, с. 390–391]⁶. Как известно, султан увлекался суфизмом, покровительствовал дервишам и сам принадлежал к братствам Шазилия и Кадирия.

После устроенного шейхом Зафиром свидания с Абдул-Хамидом спутникам Мухаммада ал-Мадани было предложено выбрать по своему вкусу место для поселения. Устные предания старожилов из Гюней-кёй рассказывают, что в Армут-кёй, основанном еще в конце кавказской войны бежавшим в Османскую империю *наибом* Шамиля Мухаммадом-Амином, им не нравилось расположение селения на плоской приморской равнине. Недалеко от г. Яловы спутники Мухаммада ал-Мадани нашли приглянувшуюся гористую местность, поросшую лесом, отдаленно напоминающую Дагестан. Здесь на государственных землях (*мири*) возникла деревня Алма-Алан (тур. “яблоневая равнина”), или Алмалы. Первые 15 семей поселенцев прибыли сюда под руководством племянника шейха Шараф ад-Дина ал-Кикуни. Они построили селение и провели от него дорогу в Ялову. После чего года через два в Алмалы прибыл и шейх ал-Мадани [Эмиграция дагестанцев..., 2000, с. 390, 398, 421]. Поселившиеся здесь мухаджиры остались под покровительством султанского дома вплоть до начала XX в.

Рис. 3. Османский фонтан в с. Гюней-Кёй. Фото автора, март 1996 г.

⁵ См. материалы османского делопроизводства с биографиями улемов кавказского происхождения, изданные Садыком Альбайраком и проанализированные А. Тумаркиным. Показательно, что из 15 улемов дагестанского происхождения, обнаруженных Тумаркиным в работе Альбайрака, трое удостоились при Абдул-Хамиде почетного титула *мухатапа* [Albayrak, 1996; Toumarkine, 2000, p. 64–65].

⁶ Я благодарен профессору Франсуа Жеоржону, обратившему мое внимание на роль шазилийских шейхов в окружении Абдул-Хамида II. О шейхе Зафире ал-Мадани см.: [Géorgéon, 2003, p. 39, 139, 209, 209, 387].

Младший брат Абдул-Хаида II Мехмет V Решад, воцарившийся после революции младотурков в 1909 г., продолжал материально поддерживать мухаджиров. На средства султана в селение провели воду [ПМА, 1996]. В благодарность жители селения называли Алмалы в его честь Решадие. Мраморный фонтан со стихотворной надписью, прославляющей щедрость султана, до сих пор стоит на центральной площади селения перед *джума*-мечетью (рис. 3).

Он служит зримым памятником союза султанского дома с мусульманской элитой мухаджирского движения в поздней османской Турции. Следует отметить, что центральные османские власти ценили не только дагестанских книжников и суфиев. Мухаджиры нужны были им и для борьбы с “внутренним врагом” – повстанцами и национальными движениями, грозившими целостности империи. Иррегулярные отряды горцев использовались и для охраны столицы. С этой целью на рубеже XIX–XX вв. вокруг Стамбула и на окраинах империи была создана сеть мухаджирских “черкесских” поселений [*Эмиграция дагестанцев...*, 2001, с. 99].

Вопреки опасениям российской стороны османские власти не торопились использовать мухаджиров в качестве “пятой колонны” на кавказском театре военных действий во время частых войн с Россией. Лишь часть мухаджиров вошла в регулярные части османской армии. Улемы и суфии из Дагестана, укрывшиеся на османской территории, рассылали через возвращавшихся на родину паломников-*хаджи* и торговцев письма, призывавшие мусульман к переселению в дар ал-ислам на турецких землях. Немало таких писем было составлено шейхом Мухаммадом ал-Мадани, а на рубеже XIX–XX вв. и его подростком племянником Шараф ад-Дином. Оригиналов их обнаружить пока не удалось, но содержание писем, аналогичное упомянутым выше работам ‘Абд ар-Рахмана ас-Сугури и Ирчи Казака, известно из их копий и устных свидетельств дагестанцев [Магомеддадаев, 2001, с. 386, 421]. Не следует, однако, думать, что их закулисным заказчиком были османские власти, в частности султанский дом.

Абдул-Хаид II не мешал распространению таких посланий в России, порой играя на них, как и на движениях *дхихада*, чтобы укрепить пошатнувшийся международный статус империи [Géorgon, 2003, p. 208]. Вместе с тем в конце XIX в. ни султан, ни местные власти еще не могли контролировать деятельность кавказских (или, как их называли тогда, черкесских) эмигрантов. Поддержка султаном дагестанских улемов в какой-то мере была вызвана желанием управлять мухаджирами через эту элиту. До конца XIX в. общины (араб. *джама‘ат*) мухаджиров оставались инородным телом в османском обществе и государстве. Они были временно освобождены от налогов и военной службы [Grégoire Aristarchi Bey, 1873, p. 16–18], подчинялись своим старшинам и селились обособленно от местного населения. В отличие от “черкесов” с Западного Кавказа улемы дагестанских мухаджиров предпочитали получать не османское, а частное домашнее образование. Большинство из них входило в братство Накшбандия-Халидия. До начала 1910-х гг. имен дагестанцев почти нет среди учеников Мектеб-и навваб и других османских школ, готовящих кадры государственных чиновников и кади [Toumarkine, 2000, p. 59, 64].

Под влиянием писем шейха в Решадие приезжали все новые переселенцы. К началу XX в. здесь выросло первое поколение потомков мухаджиров, говорившее по-турецки и аварски, но забывшее Кавказ, покинутый в детстве. К нему принадлежал и Шараф ад-Дин ал-Кикун. Он уехал с родины молодым человеком и сформировался в Анатолии конца XIX в., хотя и в русле традиций дагестанской мусульманской школы и суфизма. Под руководством дяди он получил традиционное образование, начиная с изучения Корана и литературного арабского языка и кончая комментариями по мусульманскому праву (араб. *ал-фикх*) преобладающего на Северо-Восточном Кавказе шафиитского толка. Немалое внимание на его высшей ступени уделялось этике (араб. *сулук*) и ритуальным практикам, принятым в дагестанской ветви Накшбандия-Халидия (араб. *зикр калби*, *ра-*

бита и др.). Кроме переписанных Шараф ад-Дин написал и несколько собственных арабских сочинений, наиболее известное из которых посвящено суфийской этике и истории. Оно называется “Маджму‘ ал-карамат”.

Отправляясь в Османскую империю в поисках обетованной земли шариата, дагестанские улемы построили там свой маленький мусульманский Кавказ. Дагестаном в миниатюре в смысле исламской культуры стало селение Алмалы-Решадие. В селении было три мечети. Местные улемы, прежде всего Шараф ад-Дин, поддерживали связи с дагестанскими *мударрисами*, эмигрировавшими в Османскую империю. Путешествуя между дагестанскими учеными, Шараф ад-Дин завершил свое образование. После чего дядя сделал его своим халифой, передав племяннику иджазу накшбандийского тариката. Духовные узы между ними были упрочены родственными. По распространенному в Дагестане обычаю, Шараф ад-Дин ал-Кикунни женился на своей кузине, дочери Мухаммада ал-Мадани по имени Умм-Кусум [ПМА, 1996; Магомеддаев, 2001, с. 380, 390, 405]. Он возглавил основанное дядей в Решадие медресе и приобрел немало мюридов, среди которых преобладали дагестанцы. Наиболее известен его ученик и дальний родственник ‘Абд Аллах ал-Фа’из ад-Дагистани (1891–1978), родившийся в аварском селении Ирганай, покинувший Россию вместе с группой мухаджиров во главе с Мухаммадом ал-Кикунни и доживший до преклонного возраста в Сирии [Shaykh Muhammad Hisham Kabbani, 1995].

Несмотря на амнистию участников восстания 1877 г., объявленную в России после воцарения в 1881 г. Александра III, путь на родину для Мухаммада ал-Мадани был закрыт. Вместе с тем до Первой мировой войны шейхи из Решадие поддерживали связи с оставшимися на Кавказе мусульманами через путешествовавших по Ближнему Востоку дагестанских улемов и суфиев. Известный ученый и суфий ‘Абд ал-Латиф ал-Хуци (Гоцинский) прославил достоинства Мухаммада ал-Мадани в касыде [Назир ад-Дургели, 2004, с. 150–151]. Сочинения кикунийских шейхов переписывались и издавались в России. З.Б. Ибрагимова обнаружила в Дагестане четыре списка сборника суфийских стихов Мухаммада ал-Мадани “Наджм ал-анам”, переписанных между 1895 и 1902 гг., в том числе хранящийся ныне в сборной рукописи в Рукописном фонде Института истории, археологии, этнографии в Махачкале [Ибрагимова, 2008, с. 159–170]. В 1905 и 1907 гг. этот трактат дважды издавался на арабском и в переводе на аварский язык в типографии А.М. Михайлова в Петровске и Исламской типографии Мухаммада-Мирзы Мавраева ал-Чухи в Темир-Хан-Шуре⁷.

В Дагестане у кикунийских шейхов оставались ученики, чем объясняется их популярность. До восстания 1877 г. Мухаммад ал-Мадани передал накшбандийскую иджазу аварцу Сулайману-хаджи из с. Апши. Халифой Шараф ад-Дин ал-Кикунни в Дагестане стал аварец из с. Чиркей Мухаммад-хаджи [Абу Суфйан б. Акай, 1908]. Через апшинского шейха ветвь Накшбандия-Халидия продолжалась на Восточном Кавказе до начала XXI в. Уже в послесоветское время к ней принадлежали влиятельные суфийские наставники Ильяс-хаджи Ильясов и Мухаммад-Мухтар Бабатов, погибшие в 2013 и 2015 гг. Но еще до установления советской власти, с последней четверти XIX в., влияние шейхов этой ветви в Дагестане пошло на убыль. Крупнейшие из них умерли или покинули Кавказ. ‘Абд ар-Рахман ас-Сугури скончался в 1882 г. Его прежний наставник Джамал ад-Дин ал-Гази-Гумуки еще в 1861 г. эмигрировал в Стамбул, где скончался лет через восемь-девять.

⁷ Кроме этого сборника арабских стихов в состав книги вошли аварские стихи шейха (с. 50–59), сочинение Тазикира ал-азкар и ряд поэм другого дагестанского аварского ‘алима ‘Али-Хаджи из с. Инхо. Все они были переведены на аварский язык Курбан-‘Али, сыном Мухаммада из с. Шулани. Книга хранится в: [Рукописный фонд ИИАЭ, ф. 30, оп. 2, № 71]. Ее описание см.: [Исаев, 1989, 34, № 6].

Из преемников согратлинского шейха Ильяс ал-Цудакари и Хаджи-Узун Хайр из с. Салта (ум. 1920) были сосланы в Россию, а шейх Мухаммад-хаджи из с. Обода стал мухаджиром и умер в Мекке в 1895 г. Русские власти надолго выслали с Кавказа и халифу Шараф ад-Дина Сулаймана-хаджи ал-Хабши [Гайдарбеков, 1999, с. 44]. Это позволило усилиться в Дагестане линии Халидия-Махмудия, шейхи которой, враждовавшие с учениками 'Абд ар-Рахмана ас-Сугури, разработали отличные от них методы воспитания мюридов и суфийские практики. В то время как шейхи Накшбандия-Халидия требовали строгого соблюдения шариата, наставляя на суфийском пути лишь выполняющих все его предписания, то наставники Махмудия считали тарикат подготовительной ступенью к овладению шариатом [Хасан Хилми б. Мухаммад ал-Кахи, 1998, с. 33].

Обвиняя 'Абд ар-Рахман ас-Сугури в профанации суфизма, когда шейх и его сторонники допускали в годы Кавказской войны к "громкому зикру" (араб. *зикр джахр*) не входивших в братство "шариатских", или "наибских", мюридов Шамиля [Хасан Хилми б. Мухаммад ал-Кахи, 1998, с. 33–34], шейхи Халидия-Махмудия, в свою очередь, еще решительнее переменили систему обучения в тарикате. Большую роль при этом сыграл накшбандийский и кадирийский шейх Сайф Аллах-кади Башларов (1853–1919) из лакского с. Ницубкри под Гази-Гумуком, который, находясь в ссылке в Поволжье, получил в марте 1915 г. в Астрахани иджазу братства Шазилия от шейха из Медины Мухаммада 'Али Захири ал-Витри ал-Хусайни. Он первый стал практиковать громкий шазилийский зикр как подготовительную ступень к постижению учения и практик Накшбандии. Наиболее способных мюридов он затем вводил в братство Накшбандия [Мир Халид Сайф Аллах, 1998, письмо 36]. В конце XIX и XX вв. линия Махмудия-Шазилия стала наиболее сильной на Восточном Кавказе. Ее шейхи перетянули к себе часть последователей покинувших Кавказ преемников согратлинского шейха.

Тем не менее в Дагестане шейх Шараф ад-Дин сохранил престиж крупного ученого и суфия, а также славу ясновидца, благодаря чему он еще в первой половине 1920-х гг. получал письма с родины. Однако влияния на суфиев советского Кавказа в условиях "железного занавеса" он, конечно, не имел. По некоторым сведениям, в 1920-е гг. Шараф ад-Дин передал с одним из своих писем накшбандийскую иджазу двум даргинцам в Дагестане – Макка-Шарифу из Иргали и Талхату из Хаджал-Макки [Рощин, 2003, с. 312]. Но вскоре после этого все связи между Дагестаном и Турцией надолго прервались. Еще при жизни дяди Шараф ад-Дин стал имамом джума-мечети Решадие, оставаясь духовным главой джамаата до своей кончины 27 джумада ал-ула 1292 / 15 августа 1936 г.⁸ Вместе с тем он окончательно вписался в османскую, а затем турецкую сельскую администрацию в Анатолии. Шейх поддерживал тесные связи с султанским домом при преемниках Мехмета V Решаде, оставаясь его верным сторонником до упразднения в 1922 г. султаната, а в 1924 г. халифата. В республиканской Турции Решадие последний раз сменила имя на нейтральное Гюней-кёй (тур. "Южная деревня").

СЕТЬ ЗИЯРАТОВ КИКУНИЙСКИХ ШЕЙХОВ В ТУРЦИИ И ДАГЕСТАНЕ

Гюней-кёй испытала на себя ужасы гражданской войны и интервенции. В 1921 г. ее выжгли греческие войска. Жители во главе с шейхом Шараф ад-Дином год укрывались в горах. Тогда же погибла почти вся богатая библиотека кикунийских шейхов [Магомеддадаев, 2001, с. 388–389, 404–405]. Но уже к середине 1920-х гг. жизнь в заново отстроенном селении входит в спокойную колею. При поддержке шейха Шараф ад-Дина была проложена удобная дорога из Гюней-Кёй в Ялову. Гюней-кёй постепенно приобрела характерный облик турецкой деревни, утрачивая черты первых поселений мухаджиров, не

⁸ Согласно его эпитафии.

говоря про селения современного Дагестана, которые, в свою очередь, сильно изменились после советских преобразований. В отличие от скученных горных аулов Дагестана XIX в. оно имеет более свободную планировку. Центром селения служит не небольшой *годекан* перед мечетью, а широкая площадь с неизменным турецким кафе, служащим своеобразным сельским клубом. Кладбище с мавзолеем двух шейхов в последнее время смещается на окраину Гюней-кёй.

Анатолия XX в. сильно изменилась под влиянием секуляризации и урбанизации в республиканской Турции. В марте 1924 г. правительство Мустафы Кемаля запретило деятельность суфийских братств в стране, а в 1928 г. провело реформу турецкого языка, переведя его с арабской на латинскую графику. В каком-то отношении перемены в жизни потомков мухаджиров сопоставимы с реформами, которые пережили их соотечественники в Советском Дагестане. Только преобразования тут проводились менее жестко и унесли с собой меньше жертв, чем в СССР при сталинском терроре и депортациях. В 1990-е гг. в Гюней-кёй было зарегистрировано около 350 хозяйств [*Эмиграция дагестанцев...*, 2001, с. 113], из которых более половины принадлежало переселенцам в Ялову и других городах, прежде всего Стамбуле. Среди них немало крупных бизнесменов, военных и политических деятелей, занявших важную нишу в политической элите Турции, в частности министр обороны в правительстве Тансу Чиллера Мехмет Гёльхан, женатый на дочери Шараф ад-Дина ал-Кикунни [Магомеддадаев, 2000, с. 380], а также сенатор Эмануллах Челеби, генералы Мехди-паша Сунгур и Нури-паша Хазер. Вместе с тем в селении по-прежнему жили в основном потомки мухаджиров. Староста (тур. *мухтар*) отказывался регистрировать в селении чужаков недагестанского происхождения [ПМА, 1996].

Несмотря на секуляризацию мусульманской деревни, тарикаты и влияние культов народного ислама в Турции (как и в Дагестане) не были уничтожены. В XX в. в Гюней-кёй сложился культ кикунийских шейхов. Его центром стал их мавзолей. В 1919 г. в письме мюриду в Дагестан, сохранившемся в частном архиве дагестанского востоковеда Х.А. Омарова, Шараф ад-Дин сообщал о намерении “начать на священной могиле шейха Мухаммада-хаджи добротного *мазара*, воздвигнуть над его усыпальницей высокое здание с комнатами для уединения (*халват*) мюридов, а над зданием – высокий купол, радующий глаз”. Был заложен фундамент [Ибрагимова, 2008, с. 166–167], но в условиях греческой экспансии и гражданской войны осуществить этот замысел не получилось. Мавзолей был построен уже после смерти шейха Шараф ад-Дина его учениками. В 1960-е гг. он был перестроен и расширен. Сегодня это просторное здание с пологой четырехскатной крышей, прямоугольное в плане, 12×15 м, высотой около 6 м. Снаружи и изнутри мавзолей облицован сероватыми мраморными плитами с прожилками лилового цвета. Вход в усыпальницу находится сбоку в западной стене здания. Его закрывает дверь из толстого стекла. Внутри мавзолея два ряда надмогильных памятников первой половины XX в., шесть в дальнем ряду и пять – в ближнем. Это стелы характерной для дагестанских и турецких надгробий XIX–XX вв. прямоугольной формы с полукруглым или треугольным навершием. Они принадлежат самим шейхам, их сестрам, дочерям и сыновьям. Пол мавзолея выложен мраморными плитами, поверх которых постелены зеленые ковровые дорожки.

Из-за запрета арабского алфавита и языка в ранней республиканской Турции большинство эпитафий мавзолея, относящихся к 1930-м – середине 1960-х гг., написано по-турецки в латинской графике. Попадают среди них и турецко-османские билингвы. Кроме эпитафии Мухаммада ал-Мадани по-арабски составлено всего две надписи 1910–1920-х гг., более поздняя из которых помещена над “могилой мальчика Гази-Мухаммада”, скончавшегося в 1348 г. хиджры (1929–1930 гг.). В остальных случаях по-арабски написано лишь предваряющее эпитафию стандартное славословие Аллаху, обычно фор-

мула: “Он – Вечный!” Шейху Шараф ад-Дину принадлежит мраморное надгробие в заднем ряду с белой звездой и полумесяцем на красном фоне с вписанным в него именем Зайн ал-Абидин б. Шараф ад-Дин. В стелу вмонтирована бронзовая доска размером 0.4/0.8 м со стандартными славословиями Аллаху, покойному, полученной в Турции фамилией (Bingöl), датами рождения и смерти по хиджре. Мавзолей окружают могилы с эпитафиями и нисбами мухаджиров первой трети XX в. (рис. 4).

Рис. 4. Могила шейха Шараф ад-Дина ал-Кикун. Фото автора, март 1996 г.

Хотя после смерти шейха Шараф ад-Дина линия суфийских наставников Накшбандия-Халидия в Гюней-кёй прервалась, здесь продолжает действовать община его последователей, включающая в себя и мигрантов из Яловы, Бурсы и Стамбула. Похожие общины мюридов у зияратов шейхов XIX–XX вв. есть сегодня и на Восточном Кавказе⁹. Во время моего посещения деревни примерно две трети жителей Гюней-кёй, мужчины и женщины, относили себя к мюридам покойного Шараф ад-Дина ал-Кикун, которого здесь называют по-аварски *устар дада* (авар. “отец-наставник”). Небольшая община мюридов группируется вокруг “старшего шейха” (авар. *клюдияв шейх*) Мухаммада ал-Мадани. У мавзолея и в джума-мечети они проводят регулярные поминальные мужские зикры. Кроме того, на уруза-байрам и курбан-байрам поклониться зиярату двух шейхов приезжают переселенцы из Гюней-кёй, живущие в Ялове, Бурсе, Стамбуле. Отправляясь в *хадж*, потомки мухаджиров из разных областей Турции посещают мавзолей двух шейхов. По пятницам сюда приезжают десятки автобусов с паломниками [ПМА, 1996].

Запрет тарикатов при Ататюрке вызвал перемещение центров Накшбандия-Халидия за пределы республики. Не случайно халифой Шараф ад-Дина ал-Кикун стал ‘Абд Аллах ад-Дагистани в Сирии. Он передал иджазу тариката Мухаммаду Назиму Хаккани (1922–2014) с Кипра. Это один из наиболее влиятельных суфиев современности, создавший разветвленную сеть отделений братства в Западной Европе и США. После падения “железного занавеса” шейх Назим попытался включить в сферу своего влияния и российский Кавказ. В 1997 г. по приглашению депутата Госдумы РФ Надиршаха Хачилаева он посетил Дагестан, где оставил нескольких преемников (араб. *ма’зун*): кумыков Мухаджира Акаева (р. 1928) и Пата-Мухаммада из с. Дургели, аварца ‘Абд ал-Вахида Абдуллаева (р. 1950) из с. Апши, лакца Исма‘ила Бургуева, предше-

⁹ Например, суфийская община с центром у зиярата в с. Акуша халифы Ильяса ал-Цудакари Али-Хаджи ал-Акуши (ум. 1930) или вирд чеченцев и ингушей, главой которого считается сосланный в 1863 г. с Кавказа в Новгородскую губернию кадирический шейх Кунта-Хаджи, в смерть которого в северной России его последователи верить отказываются [ПМА, 2002].

дателя колхоза в с. Щара. “В июле 2001 г. ректор Исламского Университета им. имама аш-Шафии Муртазали Карачаев (р. 1949) посетил шейха Назима в его резиденции в г. Лефке на Кипре и стал его новым ма’зуном на российском Кавказе” [Ханбабаев, 2002, с. 30–32; Рошин, 2003, с. 309, 314].

Прекращение гонений на религию и открытие границ России после распада СССР привело к развитию религиозного туризма, связывающего зияраты суфийских наставников Дагестана и Ближнего Востока. Когда я был в первый раз в Гюней-кёй в 1996 г., дагестанцев среди паломников здесь было немного. Но уже во второй половине 1990-х, и в особенности с начала нового тысячелетия, они зачастили в селение. Посещение района близкой к Стамбулу Яловы стало популярным маршрутом дагестанских туристов в Турции [ПМА, 1996, 2003, 2012]. Память о кикунийских шейхах живет и у них на родине. В Гергебильском районе у них есть реликвии и зияраты. Это прежде всего дом, в котором вырос Шараф ад-Дин. Он стоит на горе в старой части селения и по внешнему виду ничем не отличается от окружающих строений. В одной из трех комнат сохранились очаг и деревянный столб, подпирающий несущую балку. По устному преданию, здесь мать родила Шараф ад-Дина. Считается, что бесплодные женщины могут забеременеть, помолвившись в зиярате и прикоснувшись к столбу. В 2000-е гг. зиярат отремонтировали, превратив в своеобразный исламский музей на зиярате. Здесь хранится принадлежавший шейху Шараф ад-Дину рукописный Коран, который паломники привезли из Турции. Стены увешаны аятами, портретами обоих шейхов [Ибрагимова, 2008, с. 164–165].

Второй дагестанский зиярат возник в постсоветское время в с. Гергебиль в доме, где после побега из ссылки нелегально жил Мухаммад ал-Мадани ал-Кикунни. В отличие от зиярата в Кикунни в нем продолжают жить родственники шейха со стороны его жены. В настоящее время дом принадлежит внучатому племяннику жены Мухаммада ал-Мадани Далгату Курахмаеву. Если дом в Кикунни сохранился от конца XIX в., то в Гергебилье он не раз сильно перестраивался. Левое крыло здания пристроено позже. Деревянный столб, подпиравший несущую балку в комнате на втором этаже в правом крыле здания, где жил шейх, вынесен во двор, где служит опорой для навеса. Комната шейха превращена в молельню для хозяев и паломников. Это небольшое помещение с маленьким окошком. У Курахмаева сохранилась почитаемая реликвия – одна из туфель Мухаммада ал-Кикунни. Вторая, как рассказывают, в XX в. была разделена на амулеты (*сабаб*), которые носили на себе мюриды Шараф ад-Дина ал-Кикунни. Чтобы заручиться благодатью (*барака*) шейха, совершающие зиярат паломники и мюриды дотрагиваются до ручки ворот дома, к которой часто прикасался сам шейх [Ибрагимова, 2008, с. 165–166].

Не нужно преувеличивать значение восстановления связей между ближневосточной и дагестанскими ветвями Накшбандии. В Дагестане преемники шейха Назима столкнулись с конкуренцией влиятельных накшбандийских и шазилийских шейхов, прежде всего аварца Саида Ацаева из с. Чиркей, духовная генеалогия которого восходит через аварского шейха Хасана Хилми из с. Кахиб (ум. 1937), и Сайф Аллаха-кади (1853–1919) из с. Ницовкра, к основателям Махмудия на Восточном Кавказе. Подобно тому как шейх Хасан из Кахиба отрицал легитимность преемников ‘Абд ар-Рахмана ас-Сугури и наличие у них законной иджазы, так и Саид-афанди из Чиркея (1937–2012) считал ма’зунов Мухаммада Назима “лжешейхами” (*муташиаййихун*). Шейхи Махмудия-Шазилия сегодня намного влиятельнее своих соперников из ветви Накшбандия-Халидия. Они контролируют Духовное управление мусульман Дагестана и имеют выход на правительство республики. Для легитимации своей линии в 1990-е гг. они начинают издавать в Сирии и Ливане арабоязычные рукописи шейхов Махмудия-Шазилия [Шу‘айб б. Идрис ал-Багини, 1996; Мир Халид Сайф Аллах..., 1998; Хасан Хилми б. Мухаммад ал-Кахи, 1998, их переиздания и проч.]. Сам же шейх Назим не особенно заботился о восточном направле-

нии своей деятельности, не поддерживая связей со своими последователями на российском Кавказе¹⁰.

* * *

Разобранный в этой работе случай появления в Турции конца XIX – начала XXI в. дагестанских суфийских сетей и святых мест не следует абсолютизировать. Шейхи и святилище Гюней-кёй представляют собой лишь частный вариант взаимодействия мусульманских элит Дагестана, Ближнего Востока и Анатолии. Он показывает, что в своем распространении братство Накшбандия-Халидия не раз переступало за политические границы и идеологические барьеры, установленные в регионе в ходе разграничения владений османской Турции и царской России. Обмен территориями и подданными между Турцией и Россией на протяжении последних полутора столетий привел к появлению смешанных гибридных идентичностей, микроисторию одной из которых мы проследили на примере мухаджирской деревни в Западной Анатолии. Вопреки распространенному представлению тарикат никогда не представлял собой единого неувимого игрока в «большой игре» между великими державами. Скорее он распадался на множество небольших соперничавших фракций, руководители которых вступали в сложные отношения друг с другом и с местными политическими элитами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НА ИИАЭ – Научный архив Института истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН (Махачкала).

ПМА, 1996 – Полевые материалы автора. Гюней-кёй, март 1996.

ПМА, 2002 – Полевые материалы автора. Махачкала, ноябрь 2002.

ПМА, 2003 – Полевые материалы автора. Гергебильский р-н, ноябрь 2003.

ПМА, 2012 – Полевые материалы автора. Гумбетовский р-н, октябрь 2012.

РФ ИИАЭ – Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН (Махачкала).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

‘Abd al-Rahman al-Sughuri, al-shaykh al-fadil al-hajj, *Hadhihi risala sharifa [The Noble Treaty]*, in The Princeton University. Yahuda Collection. Vol. 2867. Fol. 91a–94a (in Arabic).

Abdullaev M.A. *Sheikh Abdurahman-haji's Activities and Views with his Genealogy*, Makhachkala: Epokha, 2001, 2nd ed. (in Russian.).

Abdurakhmanov M. *Naqshbandiyab tariqatatlul ustazabazul mesedil rakhas [The Golden Chain of the Masters belonging to the Naqshbandi Brotherhood]*, Moscow: Vozrozhdenie, 2003 (in Avar).

Abu Sufyan b. Aqay al-Qazanishi, *Wasilat al-najat*, Temir-Khan-Shura: al-Matba‘a al-islamiyya li-Muhammad Mirza Mawrayuf, 1908 (in Kumyk).

Aytberov T.M., Dadaev Yu.U., Omarov Kh.A. (comp., transl., eds.), *Uprisings of the Dagestanis and the Chechens in the Post-Shamil Age and Imamate in 1877*, Makhachkala: Shamil Foundation, 2001 (in Russian).

Balkapov N.P., Voyt S.S., Gertsenberg V.E. (eds.), *The Statutes of the Russian Empire: Continuation in 1912*, Saint Petersburg, 1912 (in Russian).

Bobrovnikov V.O. ‘Catalogue of Manuscripts and Old-Printed Books in Arabic, Persian and Turkic Languages from Kabardino-Balkaria, *Pis'mennye pamiatniki Vostoka [Written Monuments of the Orient]*, 2005, no. 1, pp. 239–303 (in Russian).

¹⁰ Недаром востоковед М.Ю. Рошин несколько лет искал мюридов, и даже ма'зунов, шейха Назима на Северном Кавказе. Ни сам шейх, ни ближайшее окружение его на Кипре и в Западной Европе не могли дать ему об этом никакой информации [Рошин, 2003, с. 309–311].

Bobrovnikov V.O. 'Al-Kikuni, in Prozorov S.M. (comp., ed.), *Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii: entsiklopedicheskii slovar'* [*Islam on the Territory of the Former Russian Empire*], Moscow: Vostochnaia literatura, 2006, vol. I, pp. 194–197 (in Russian).

Chronicle of Muhammad Tahir al-Qarakhi about Dagestani Wars under the Rule of Shamil, transl. from Arabic by A.M. Barabanov under dir. of Academician I.Yu. Krachkovsky, Moscow; Leningrad: Publishers of the Academy of Sciences of the USSR, 1941 (in Russian).

Gadzi-Ali, *A Story of the Eyewitness about Shamil*, Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography; G. Tsadasa Institute of Language, Arts and Literature, 1995 (in Russian).

Gaydarbekov M. 'Abdulatip Gotsinskii, *Akhulgo*, 1999, no. 3, pp. 36–45 (in Russian).

Gaydarbekov M. 'The Chronology of Dagestan's History', in *Scientific Archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences*, n.d., collection 3, inventory 1, file 236, vol. XIV (in Arabic and Russian).

Hasan Hilmi b. Muhammad al-Qahi, *Maktubat al-Qahi al-musamma wasa'il al-murid fi rasa'il al-ustadh al-farid* [*Al-Qahi's Letters Known as Instruments for the Disciple in Messages of the Precious Master*], Damascus: Dar al-Nu'man li-l-'ulum, 1998 (in Arabic).

Ibragimova Z.B. 'The Sheiks of Kikuni as Founders of Turkish Small Dagestan, in *Severnyi Kavkaz: geopolitika, istoriia, kul'tura* [*North Caucasus: Geopolitics, History, Culture*]: Materials of the All-Russian Research Conference, Stavropol', 2001, pp. 23–25 (in Russian).

Ibragimova Z.B. 'Muhammad-haji and Sharapudin of Kikuni – Sufis and Muhajirs, in A.R. Shikhsaidov (ed.), *Dagestanskii sviatyni* [*Dagestani Shrines*], Makhachkala: Epokha, 2008, pt. 2, pp. 159–170 (in Russian).

Isaev A.A. *Catalogue of Old-Printed Books and Publications on the Languages of Dagestan's Peoples*, Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989 (in Russian).

[Ishaq al-Urmi, 'Ali al-Salti], 'History of the Sharia Uprising in Dagestan and Chechnya, and the Imamate in 1877, in Aytberov T.M., Dadaev Yu.U., Omarov Kh.A. (comp., transl., eds.), *Uprisings of the Dagestanis and the Chechens in the Post-Shamil Age, and Imamate in 1877*, Makhachkala: Shamil Foundation, 2001), pp. 110–117 (translated from Arabic into Russian by T.M. Aytberov).

Kemper M. 'To the Question of the Sufi Foundations of Jihad in Dagestan, in Abashin S.N., Bobrovnikov V.O. (eds.), *Podvizhniki islama. Kul't sviatykh i sufizm v Srednei Azii i na Kavkaze* [*Devotees of Islam. The Cult of Saints and Sufism in Central Asia and the Caucasus*], Moscow: Vostochnaia literatura, 2003, pp. 278–305 (in Russian).

Kemper M., Tagirova N.A., Shikhsaidov A.R. 'The Library of Imam Shamil in Princeton', in Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O. (eds.), *Dagestan i musul'manskii Vostok* [*Dagestan and Muslim Orient*], Moscow: Marjani Publishers, 2010, pp. 259–272 (in Russian).

Khanbabaev K.M. 'Sufism in Dagestan; History and Traditions, in *Dagestan – perekrestok kul'tur i tsivilizatsii* [*Dagestan at the Crossroads of Cultures and Civilizations*], Makhachkala: Ministry for Nationalities, 2002, pp. 30–40 (in Russian).

Magomeddadaev A.M. 'Representatives of the Dagestani Diaspora in Turkey Tell', in Magomeddadaev A.M. (comp., ed.), *Emigratsiia dagestantsev v Osmanskuiu imperiiu* [*Emigration of the Dagestanis into Turkey*], Makhachkala: Dagestani Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 2001, pt. 2, pp. 380–430 (in Russian).

Magomedkhanov M.M. *Dagestanis in Turkey. Ethnodemographic Consequences of the Caucasus War*, Makhachkala: Dagestani Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 1997 (in Russian).

'Min maktub nachanik Gunib Chillayuf [From the Letter of Chillaev, Chief of the Gunib district], in Gaydarbekov M. 'The Chronology of Dagestan's History, p. 1 (in Arabic).

'Min khatt Muhammad b. Pirdudagh Inkwachilaw [From the Letter of Muhammad b. Pirdudagh Inkwachilaw], in Gaydarbekov M. 'The Chronology of Dagestan's History, p. 29 (in Arabic).

Mir Khalid Sayf Allah b. Husayn Bashlar al-Nitsubkri al-Ghazi-Ghumuqi al-Naqshbandi al-Qadiri al-Shadhili al-Shafi'i al-Daghistani, *Maktbat Khalid Sayf Allah ila fuqara' ahl Allah* [*Letters of Khalid Sayf Allah to Humble people of Allah*], Damascus: Dar al-Nu'man li-l-'ulum, 1998 (in Arabic).

'Mubarak Mama-Dibirasul manaqibal [The Praiseworthy Life of the Blessed Saint Mama-Dibir], in Abdurakhmanov M. *Naqshubandiyab tariqatatlul ustazabazul mesedil rakhas* [*The Golden Chain of the Masters belonging to the Naqshbandi Brotherhood*], Moscow: Vozrozhdenie, 2003, pp. 92–94 (in Avar).

Nadhir al-Durghili, *Delight of the Intellect in Biographies of Dagestani Scholars (Nuzhat al-azhan fi tarajim 'ulama' Daghistan)*, transl., comm., ed. by A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov, Moscow: Marjani Publishers, 2012 (in Arabic and Russian).

Omarov Kh.A. (comp., transl., comm., ed.), *100 Letters of Shamil*, Makhachkala: Dagestanskii nauchnyi tsentr RAN, 1997 (in Russian).

Omarov Kh.A. 'Memories of 'Abdurazaq of Sogratl about 1877 Uprising, in A.R. Shikhsaidov (ed.), *Izuchenie istorii i kul'tury Dagestana: arkheograficheskii aspekt* [*The Study of Dagestan's History and Culture: An Archeographic Aspect*], Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988, reprinted in Aytberov T.M., Dadaev Yu.U., Omarov Kh.A. (eds.), *Uprisings of the Dagestanis and the Chechens in the Post-Shamil Age, and Imamate in 1877*, Makhachkala: Shamil Foundation, 2001, pp. 168–171 (translated from Arabic into Russian by Kh.A. Omarov).

Roschin M.Yu. 'Sheikh Muhammad Nazim from Cyprus and His Followers (To the Question of Sufi Revival in Dagestan)', in Abashin S.N., Bobrovnikov V.O. (eds.), *Podvizhniki islama. Kul't sviatykh i sufizm v Srednei Azii i na Kavkaze* [*Devotees of Islam. The Cult of Saints and Sufism in Central Asia and the Caucasus*], Moscow: Vostochnaia literatura, 2003, pp. 309–322 (in Russian).

Saidov M-S.J. *Avar-Russian Dictionary*, Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1967 (in Avar and Russian).

Sayyid 'Abd al-Rahman b. ustadh al-tariqa Jamal al-Din al-Husayni al-Ghazi-Ghumuqi / Abdurakhman of Ghazi-Ghumuq, *Kitab tadhkira fi bayan ahwal al-Daghistan wa-Chachan / Kniga vospominanii o delakh zhitelei Dagestana i Chechni* [*Book of Memories about Activities of the Inhabitants in Dagestan and Chechnya*], transl. from Arabic by M.-S. Saidov, ed. and publ., comm. by A.R. Shikhsaidov, Kh.A. Omarov, Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1997 (in Arabic and Russian).

Shu'ayb b. Idris al-Baghini, *Tabaqat al-khwajakan al-naqshbandiyya* [*Ranks of the Naqshbandi sufi Masters*], Damascus: Dar al-Nu'man li-l-'ulum, 1998 (in Arabic).

Magomeddadaev A.M. (comp., ed.), *Emigratsiia dagestantsev v Osmanskuiu imperiiu* [*Emigration of the Dagestanis into Turkey*], Makhachkala: Dagestani Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 2000–2001, pt. 1–2 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОБРОВНИКОВ Владимир Олегович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук; профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” в Санкт-Петербурге, Россия.	Vladimir. O. BOBROVNIKOV – PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Professor of the National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Russia.
--	--